

вековых народов Европы⁷³. Народные гулянья, поздневизантийского времени обычно сопровождались хороводами, песнопениями. В трактирах, на перекрестках дорог, в притонах пели под кифару и плясали, кривляясь, пьяные и шуты (Mazar. Cap. 171). Нередко дома знати посещали бродячие скоморохи. По описанию Феодора Ласкариса, зашедшие однажды в его дом скоморохи изображали сцены из народной жизни, в том числе свалку с тумачами и пощечинами, что особенно нравилось зрителям. Двое из пришедших скоморохов разыгрывали сценки, используя принцип контраста — один был высоким, другой маленьким; первый был крикуном, второй говорил тихо; один был глуп, другой хитер⁷⁴.

Жители столицы, как и в прежние времена, любили редкие зрелища. Так, в правление Михаила VIII Палеолога в столицу был привезен из Эфиопии камилопард (жираф) — животное, как описывает современник, с небольшим, как у осла, телом, горбатой спиной, длинной шеей, маленькой головкой, светлой с красно-коричневыми пятнами окраской, тонкими ногами с раздвоенными копытцами. Камилопарда, «будто какое-то чудо... каждый день водили по площадям для удовольствия зрителей» (*Pachym. Hist. I. P. 177—178*).

В поздней Византии сохранялся, как и в других странах в средние века, интерес к жестоким публичным зрелищам. Вероятно, Анна Савойская, мать Иоанна V Палеолога, не являла собой исключения, обнаружив склонность бывать на казнях, что доставляло ей необычайную радость и наслаждение⁷⁵.

Меры наказания оставались по-прежнему жестокими. Виновных или неугодных ослепляли (*Pachym. Hist. I. P. 24.6—7; 191.13—14; 493.7—8*), им отрезали язык, вырывали ноздри (*Ibid. P. 487.11—14; 489.4—5*), секли, подолгу держали на весу (*Ibid. P. 316.5—6*). Георгием Пахимером описана следующая экзекуция. Осужденному остригли на голове волосы, но не под корень, а так, «чтобы оставить пищу огню». Потом голову обложили просмоленным материалом и подожгли, чтобы она обгорела. Наконец, ему отрезали нос и полуживого отпустили на свободу (*Ibid. P. 492. 17—493.2*). Существовал, видимо, и определенный ритуал при совершении казней. Так, «осужденному на казнь глаза завязывали красным льняным покрывалом» (*Acrop. 50. P. 95.16—20*).

Порой подобного рода зрелища являлись одновременно средством не только устрашения, но и информации населения. Когда при посещении тюрьмы убили Алексея Апокавка, его окровавленный труп был подвешен на зубах дворцовой стены, чтобы известить жителей столицы о случившемся (*Greg. II. P. 734.4—8*). Анна Савойская в отместку за убийство своего сподвижника приказала казнить лиц, причастных к преступлению, {576} и пронести по улицам Константинополя их отрубленные головы и руки (*Ibid. P. 739.7—11*).

Велик был интерес византийцев ко всякого рода зрелищам, связанным с риском и опасностью. Большое впечатление производили выступления заезжих актеров. Так, трюки странствующих акробатов из Египта (*Ibid. I. P. 384—351*), побывавших до этого в Аравии, Персии, Иверии, Армении и других землях, собрали много зрителей в Константинополе. Современник назвал их представление «необыкновенным и чудесным». Один из трюков заключался в том, что акробат забирался на корабельную мачту, воткнутую в землю и соединенную сверху нетолстым канатом с другой мачтой, и, упершись головой в ее вершину, поднимал обе ноги вверх. Затем он начинал вертеться колесом, цепляясь за протянутый между мачтами канат попеременно то руками, то ногами. Акробат стрелял из лука, стоя на середине натянутого каната; с мальчиком на плечах он проходил по всему канату. Другой из актеров, «вскочив на лошадь на всем скаку и погоняя ее, стоял прямо то на спине, то на гриве, постоянно перебирая ногами и смело принимая вид летящей птицы. Иногда он вдруг соскакивал с бегущей лошади, хватался за ее хвост и неожиданно появлялся опять в седле... опускался с одной стороны седла и, обогнув брюхо лошади, легко поднимался на нее уже с другой стороны и снова скакал. Занимаясь такими фокусами, он не забывал в то же время подгонять коня бичом». Жонглеры носили поставленную на голову торцом палку длиною в локоть с полным сосудом воды на ее верхнем конце или длинное копьё, снизу доверху обвитое веревкой, по которой взбирался мальчик. Один из фокусников, бросая вверх стеклянный шар, ловил его то мизинцем, то лок-

⁷³ Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Конец XIX — начало XX в. Весенние праздники. М., 1977.

⁷⁴ Андреева М. А. Указ. соч. С. 172.

⁷⁵ Diehl Ch. Figures byzantines. T 2. P. 249.